

Мир домовых

В. П. Авенариус — Детские сказки

Типография С. Добродеева, С.-Петербург, 1885 г.

Мир домовых. (по Лёвенштейну)

Усталый, из последних сил,
Я раз по улицам бродил.
Глухая ночь и дождь ручьем.
Не разглядеть ни зги кругом.
Ни самый слабый звездный луч
Мне не мерцал из черных туч.
Тут встал и вырос предо мной
Домино с вывеской большой.
И изнывающий мой взор
Узнал в нем постоянный дворе.
Благодаренье же, Творец:
Отдохновенье, наконец!
Я постучался у ворот.
Задвижка щёлкнула — и вот
Сверкнули злобно два глазка:
Меж них — носище старика!
«Ишь, расшумелся карапуз!
Чего тебе и кто ты, ну-с?»
— «Отец родной!» Взмолился я,
«Хоть на ночь приюти меня».

Он странно так захохотал:
«Да домовых ты не видал?
Ведь, на смерть перетрусишь, чай?»
— «Не струшу; уголок лишь дай.»
— «Не струсил? Так войди, дружок
Тогда найдется уголок.» —
Впустил. При свете ночника
Я разглядел тут старика:
Седой и худенький такой;
Но, оказалось, не злой:
И накормил, и напоил,
О всем подробно расспросил:
И лет каких, и как учусь.
Потом повел в комнату:
«Ну-с,
Коль хочешь ты заснуть теперь,
Так не заглядывай в ту дверь:
Настал урочный час, духов.
Прощай, сынок мой, будь здоров».
В постель улегся я, притих,
Но глаз не смел сомкнуть своих.
Густой, безмолвный мрак вокруг,
А за стеною рядом — стук,
И гам, и гром, прямой содом,
Как бы весь дом пошил верх дном.
То поскребет, то проскрипит,

То подбежит, то отбежит.
То промелькнет немой толпой
Теней каких-то предо мной.
Ай! кто-то за ногу рванул;
Ай! кто-то за ухо щипнул.
Тут дернеть, там потеревить,
С постели так и волочит,
И, словом, как — не знаю сам,
Поволокло меня к дверям.
Гляжу я в щелку: лунный свет
Мне освещает кабинет
Весь в полках, а на них вокруг
Горшки, кувшины, фляжки... Вдруг —
Всё взворохнулось,
Всё встрепенулось!
Пошла забава:
Что ни посуда —
То нос лукаво
Глядит оттуда;
Что шкальчик-плошка —
То мальчик-крошка;
Что пузыречек —
То шалуночек,
Что банка, склянка,
Горшочек,
Кружка —

То человек,
Живая душка.
И с гиком,
И с криком,
Из плошки,
Из кружки,
Как мошки,
Как мушки,
Повыползли крошки,
Повылезли душки,
И ставили ножки
Друг дружке;
И ропот,
И шепот,
И грохот.
И хохот,
И писк,
И визг!
Тут царственный голос внушительным тоном
Скомандовал:
«Смирно вы пред Обертоном!»
И шорох затих,
Во фронт мелюзга моя стала послушно,
И подданным так говорил благодушно
Царек домовых:
«Приветствую вас, мои верные друзья,

Любезные дети, полезные слуги!
Исправно со всех меридианов земли
Сюда вы на первый мой зов притекли.
Вы, гении воздуха, солнца и света
(Поклоном ответили сильфы на это),
Вы, гении рек и озер и морей
(Толпа преклонилась русалок и фей),
Вы, гении пламени, силы подземной
(Рой гномов склонился с степенностью скромной),
Дозором прошел я последнюю ночь:
Утешить где есть вам и есть где помочь.
Вот в душной коморке лежит на кровати
Больная малютка — дрожит в лихорадке:
Скорей утолите-ка жажду больной
Целебным напитком — живою водой.
Вот раненый воин на поле сраженья:
Варите-ка травы, варите коренья,
Чтоб в рану елея ему накропить,
Отечеству сына опять подарить.
Вот мать изнывает, и смерть уже строго
Глядит из-за двери и ждёт у порога;
Гоните злодейку, гоните скорей!
Спасите бесценную мать для детей.
Вот старец, вот дева, вот юноша страждет,
От вас от одних исцеления жаждет,
От добрых духов, благодетельных фей...

Бегите! Спасайте! Живее, дружнее!»

Лишь скомандовал так

Им царёк, _

Лишь перстом подал знак, —

Со всех ног

Крошки врозь разметались,

По углам разбежались.

Не прошло двух минут —

Все опять уже тут,

Всякий тащит свой клад:

Чем богат, тем и рад.

Впереди всех идет потогонный Шалфей

С надушенной донельзя сестрицей своей

Камоиллой-Ромашкой;

Вслед бредет, спотыкаясь, мечтательный

Мак с полной опия чашкой;

Вот валит с никотином почтенный Табак

(Расчихались тут прочие травы,

А царёк пожелал: «Будьте здоровы!»

Вот бегут,

Волокут

Лучший цвет свой и сок

И красавец Вьюнок,

И нарядная модница-травка

Горечавка;

Вот приплёлся, шатаясь, и пьяный буян —

Бесшабашный Дурман;
Вот Авран,
Этот "Посланный Божий";
Вот грибов целый хор,
Во главе — Мухомор
Карлы-гномы меж тем молчаливо несут
Из своих тайников сокровенных
Разных руд
И солей драгоценных.
Напоследок, когда чародейственный мир
Весь уж стекся, явились два братца —
Вертопрах Алкоголь и летучий
Эфир: «Кому надо нас? Ради стараться!»
И пошла же возня тут — потеха
За работу взялись, как для смеха:
Руды смачивали,
Ломом скалывали,
Оборачивали,
Расколачивали.
Перемалывали,
Из стручков.
Да мешочков,
Из костянок
Да семян,
Из кубышек
Да из шишек —

Мед выдавливали
Да выплавливали,
Из кореньев,
Да из мочек.
Из череньев
Да из почек,
Из листочков.
Лепесточков
Мотыльковых,
Язычковых.
Толстогубчатых,
Длиннотрубчатых,
Мелкокольчатых,
Колокольчатых —
Сок высасывали
Да вываривали,
Дров подбрасывали,
Да выпаривали;
Перетаскивали,
Перекачивали,
Выполаскивали,
Заколачивали;
В склянках встряхивали,
Перемешивали,
Пыль обмахивали.
Перевещивали,

Запечатывали
Да обматывали.
А вокруг благоухания
Чуть дыхания
Не захватывали.
Оберон же метался, разведывал,
Все ли порции
Приготовлены в должной пропорции,
Всякой смеси отвеживал,
Да высмакивал,
Своим «Recipe» только поддакивал.
Не успел я еще хорошенечко
Приглядеться, очнуться маленечко,
Как работы уж все были справлены:
Порошки и микстуры приправлены,
Золотые пилюли накатаны,
Свертки сматаны,
Мази смазаны,
Все-то скляночки,
Все-то баночки
Ярлычками
Да шнурочками
Перевязаны;
В ярлыках же, кому как приказано,
Число ложек подробно показано.
Оберон лишь глядел да поглядывал,

Только руку прикладывал,
Приговаривал:
«Помогло бы лишь так, как заваривал!»
Тут пробило час — и виденье
Рассеялось в то же мгновенье.
Я снова в постели, и прежняя мгла
В коморке вокруг. Но я мыслил; "Хвала
Тому, Кто больным исцеленье
При помощи ядов смертельных дает,
Из тлена и пагубы жизнь создает.
Чтоб мир Его помнил и славил,
Он добрых духов к нам приставил.
«Так где же, скажите, я ночь-то провел?
У добрых духов человека,
Волшебников нашего века;
Поутру, на улицу выйдя, прочел
Я надпись над входом: